

Б.Г. СОКОЛОВ

Доктор философских наук, профессор

*Заведующий кафедрой Культурологии, философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

МЕСТЕЧКОВАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Современная отечественная модель образования и науки переживают сейчас не самый блистательный период своей истории. Современные процессы кластеризации и перекодировки всей реальности с необходимостью затрагивают эти сферы, испытывающие довольно сильный прессинг, как со стороны тотальной бюрократизации, так и со стороны общей симуляционной модели функционирования современного культурного пространства. В результате этих процессов и образование, – как высшее, так и начальное и специальное – и отечественная наука все больше и больше становятся маргинальной, «местечковой» зоной в мировой системе, не имеющей шансов изменить status quo к лучшему.

Ключевые слова: гуманитарное знание, наука, образование, современная культурная ситуация, маргинализация.

B. G. SOKOLOV

Doctor of Science (Philosophy), Professor

*Head of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics
Saint-Petersburg State University*

LOCAL HUMANITIES AND EDUCATION IN FRONT OF THE THIRD MILLENNIUM CHALLENGES

Modern Russian model of education and science sojourn not the most brilliant period of its history now. Processes of conversion and clusterization of modern reality affect in these areas too. These spheres are feel strong pressure from both the total bureaucratization, and the total simulation model of the functioning of a modern cultural space. As a result of these processes russian science are becoming more and more marginal and domestic in the world system, without any chance to change the status quo for the better.

Keywords: humanities, science, education, contemporary cultural situation, marginalization

Как доносит молва, один из резонов выбора Фр. Ницше не вполне исторического персонажа Заратустры «лирическим героем» одноименного произведения указанного философа была дошедшая из глубин веков фраза, как раз приписываемая малоазийскому пророку: «Настоящий мужчина

должен уметь две вещи: говорить правду и стрелять из лука». Не место стрельбе из лука или даже методологическим изыскам относительно техники одного занятия в журнале, посвящённом исследованиям культурного пространства, но вот первый императив, прельстивший немецкого разрушителя кумиров, а именно «говорить правду», вполне может сгодиться здесь.

Так вот, если говорить правду, то отечественная наука уже пару-тройку лет как минимум, а, скорее, всего, пару десятилетий, упорно и неуклонно следует направлению, которое не только не ставит её в разряд ведущей и передовой (если такое вообще применимо к гуманитарному сектору), но, наоборот, потихоньку делает ее вполне местечковым, узко-локальным мероприятием. И, несмотря на потуги отечественных министерских и рангом пониже «вождей» гуманитарного знания с помощью предельно современных и действенных инструментов типа индексов Хирша, всеобщей англоизации, рейтингования и т.п., доморощенный гуманитарий так и норовит, выскользнув из приветливых для англосаксонских мыслителей режимов и регламентов тамошней, «басурманской» науки, все больше и больше превратиться в некое андеграудное образование, которое выбросить вроде неудобно, но и сберечь не очень хочется как крайне нелепое и несуразное в смысле результативности существо. Как представляется обществу моему мнению, транслирующему отнюдь не только свою установку, но и установку нынешних элит, гуманитарий – некий атавизм, доставшийся нам из недавнего марксистского прошлого, где он был хоть и не очень привечаем властями, но выполнял вполне внятный и ценный заказ на разработку, обслуживание и поддержание существующей идеологии. А раз нет идеологии (что бы ни говорили сейчас об идеологии, ее не может быть «по определению» в эпоху мобильного телефона и интернета), то и нужды в этом если не очень «вредном», то, по крайней мере, требующем постоянных финансовых затрат на поддержание своей никчемной и бесполезной жизни, не наблюдается. Не печет – увы – гуманитарий пирожков или печений, не возводит здания, не строит дорог и самолетов, а, скорее, «смущает» умы, в лучшем случае – говорит, как персонаж-мудрец отечественной экранизации «Аладдина», «про сон, что это сон, а про не сон, что это не сон». А потому и вниманием как со стороны власть имущих, и, скажем прямо, со стороны общества, обделен в век Интернета и массовой культуры.

А «стыдливые» ссылки на то, что де в тех странах, где высок уровень жизни, и технологий, гуманитаристика занимает вполне достойное место, а в высших заведениях, даже в программах для подготовки специалистов технического профиля вполне достойное место занимают дисциплины гуманитарной сферы, мало что меняют. У них – на гнилом Западе – своя «свадьба», у нас – своя. А потому, уже за тем порогом, который отделяет второе от третьего тысячелетия с рождества Христова, или, как это было

принято в марксистском прошлом, новой эры, вызовы у них, и у нас, разные. Разный статус, разные задачи, разные судьбы, быть может.

Итак, отечественная гуманитарная мысль, все больше и больше превращающаяся в местечковую – и по задачам, и по статусу, и, конечно, по результатам – науку, имеющую перед собой вполне внятные и, увы, отнюдь не всеобщие, а локальные вызовы, на которые ей приходится отвечать. И первый вызов – это ее местечковость, которая, как я полагаю, представителей отечественного гуманитарного дискурса вряд ли прельщает.

Местечковость

Наверное, местечковость – со всеми ее минусами и довольно сомнительными плюсами – отечественного гуманитарного образования и науки есть отражение того статуса, который сейчас имеет Россия в мировой системе координат. Этот статус такой, какой он есть, и мы, россияне и Россия, его вполне заслужили и создали собственными руками и делами. Пенять на злокозненный Запад, на мировой масонский заговор, на санкции, на неурожай, конечно, можно, но крайне непродуктивно. Полезнее – разобраться, почему и как получается, что мы вечно «догоняем» Западный мир и взыскуем, особенно в последнее время, стать его полноправным членом. Не ценит нас Запад, даже несмотря на огромную территорию, ядерные боеголовки и славную историю побед и революций, а потому и не спешит раскрывать нам свои объятия. Ибо память обывателя Европы – уже на уровне «физиологии» – настораживает, вспоминая казаков на улицах Парижа или советские танки в Берлине. Опасается – да, а потому недолгие приливы симпатий быстро сменяются длительными периодами враждебности и настороженности. С Россией, как говаривал, Бисмарк лучше не связываться, ибо она на любую изощренную хитрость ответит непредсказуемой глупостью. И нынешний этап длительного романа с Западным миром – не самый лучший. И не только с Западным миром. А потому и «интенция» не на включение в свою орбиту, а скорее – на изучение. Но и изучение – в той мере, в какой это отвечает сегодняшней ситуации. Сказки про загадочную русскую душу, про мессианство Третьего Рима вряд ли могут претендовать на сериал, постоянно возобновляемый в любых исторических ситуациях.

А мы? Мы все стремимся и стремимся в объятия Запада, попутно и постоянно заимствуя его, как нам представляется в текущем моменте, самые передовые достижения. И – ошибаемся в своих стремлениях без труда получить то, за что Запад заплатил кровью, жизнями и трудом. Примеров в прошлом предостаточно: и Православие, прельстившее, если верить легенде, пышностью обряда, и коммунистическая идеология, обещающее не менее светлое, чем христианство, будущее. И сейчас: демократия, интернет, массовая культура и т.д., и т.п.

В сфере гуманитарного знания подобная направленность на Запад проявляется в стремлении применять ставшие лишь недавно известными для широкого круга научной общественности и очень быстро очаровавшие нас модели и методы, немного устаревшего (по меркам современности) знания. При этом отечественный гуманитарий стремится использовать самые последние достижения без исторического проживания и освоения, что, естественно, приводит к несколько иным результатам. Наконец, то, что, как говорят, для русского хорошо, то для немца смерть: европейские или американские модели и подходы рассчитаны не на наш культурный контекст, а потому могут применяться с известными оговорками или ограничениями, а в ряде случаев не работают вообще.

В сфере образования стремление к вписыванию в «общемировую систему» обернулось для отечественного образования введением новой системы, ориентированной на цепочку бакалавриат-магистратура, т.е. совершенно новой и непривычной модели подготовки специалистов, заменившей добротную немецкую традицию, также когда-то заимствованную, но прижившуюся и дававшую не одно столетие неплохие плоды. На этой системе, а также на том, как она «прививается» на российской почве, стоит особо остановиться, ибо именно эта система во многом и «гарантирует» тот местечковый оттенок и образования, и науки, который «торжествует» днесь.

Может быть, у них, на передовом или загнивающим (ненужное вычеркнуть) Западе, в англосаксонском мире, бакалавриат и магистратура - уже традиция, т.е. то, что органично вписалось в существующий социальный контекст, возможно, путем длительного процесса, который К.Поппер именовал *piecemeal social engineering*. Но в отечественной ситуации введение данной системы – это стресс и разрушение, и, как всегда, попытки перекодировать, понятно не очень успешно, и бакалавриат, и магистратуру по прежнему стандарту подготовки специалиста. В результате получается какой-то «кадавр», не имеющий общего ни с прежней добротной системой, ни с англосаксонской, которая, кстати, представляется не только отечественному взгляду, но и взгляду многих европейцев как крайне сомнительная. И если к этому добавить тотальную «бюрократизацию», о которой пойдет речь ниже, а также невозможность основной массы преподавателей работать по новым «лекалам», то картина в образовании предстает удручающая, которая, к сожалению, не улучшается, ибо на уровне риторики и бюрократической статистики, озадаченной лишь процессуальностью, но не тем, что есть в реальности, все вроде обстоит нормально: процесс идет, есть сложности, но всегда можно найти (или изобразить) позитивную динамику.

И каков результат «прорыва» к Западу? Мы утрачиваем свое, а западное не очень приживается, а если и приживается, то в таком виде, что лучше

бы его и вовсе не было. И вместо включения в передовые редуты мировой науки и образования, мы оказываемся все больше и больше в ситуации местечковости, озадаченной и шокированной, хлынувшими на нее новациями и беспомощно пытающейся сохранить свое когда-то «прекрасное» лицо. Но не очень это получается.

Тотальная бюрократизация процесса

Немного пожив в демократическом обществе, мы как-то сразу стали с «тоской и ностальгией» вспоминать о советской бюрократии. По сравнению с нынешней бюрократией социалистический «подвид» одного социального образования представляется каким-то милым, наивным, детским. Вот уж что мы с успехом и плодотворно заимствовали в т.н. демократическом мире, так это – «масштабность» и «всесилие» бюрократического аппарата, теперь уже вписанного почти в любое социальное действие, в любую социальную инстанцию. Бюрократия уже давно стала центром социального мира, а никак не медиальной средой, обеспечивающей некоторые социальные процессы. Не бюрократия для нас, а мы для бюрократии, в идеале – «мы» тоже должны быть редуцированы к «бюрократии» также, как ранее необходимо было «взрастить» внутри себя цензора и шпиона, сейчас необходимо взрастить внутри себя «личного бюрократа». Попытки – особенно в российской действительности – «легализовать», т.е. перевести в обязательный юридически-оформленный мир любой акт, любое действие, сопроводив это действие обязательной юридической фиксацией, как раз и стремятся если не взрастить внутри каждого из нас «личного бюрократа», то, по крайней мере, придать юридическому и бюрократическому «террору» социальное алиби уже на уровне индивида.

Уже мало кто задается вопросом о необходимости бюрократической фиксации, тормозящей и бесконечно удорожающей любой социальный, производственный и т.п. процесс. А на уровне деклараций и риторики борьба с бюрократией, как известно, лишь увеличивает ее: современный порочный круг, из которого не видно выхода в текущей культурной и социальной ситуации.

Образование и гуманитарная наука – часть нашей культурной ситуации, а потому «развертывается» и существует по тем же самым канонам и лекалам, которые форматируют наш мир. А потому было бы наивно ожидать, что современная бюрократизация не затронет эти сферы. И гуманитарное знание, теперь развивающееся с оглядкой на систему грантов и подтягивающаяся под модель университетской науки, и высшее, начальное и среднее образование все больше и больше бюрократизируются. Не надо быть большим специалистом в любой сфере, чтобы понять, что одно дело, например, – вырыть яму, а другое – вырыть яму и еще бюрократически оформить эту вырытую яму. В первом случае процесс потребует, скажем,

усилий одного человека в течение двух часов. Во втором случае, когда потребуется планирование, утверждение, согласование, договор с исполнителем, тендер на проведение землеройных работ, отчет о проделанной работе, финансовое сопровождение, оформление статистических и пр. отчетов и т.д. и т.п., дело может растянуться на годы и потребовать «титанических» усилий бесконечного числа представителей в той или иной степени бюрократических инстанций. «Один с сошкой, семеро с ложкой» – это не о современной ситуации, которую можно бы было афористично описать: «один с сошкой – тысяча с бумажкой». И ситуацию не спасает высокий уровень автоматизации производства, и современная, основанная на компьютерном моделировании, логистика, ибо как раз само «рытье ямы» можно поручить «умным» машинам, но вот процессы согласования, скажем, с градостроительными инстанциями, автоматизировать никогда не удастся. Да и наивная вера в то, что внедрение компьютерных технологий и интернета в бюрократическую вселенную ускорит и упростит процессы, оказалась лишь наивной верой: любая автоматизация в сфере бюрократии также порождает еще большее рвение и количество «необходимым» «пассов» и «шагов», нежели это было в эпоху «докомпьютерную».

Конечно, с «бюрократизацией» бороться, наверное, бесполезно, ибо она не только плод рвения к администрированию и нормальный процесс почти любой социальной инстанции, отражающий неизбывную тягу «воли к власти» и стремления к захвату все новых и новых «территорий». Она укоренена в самой новоевропейской культурной традиции, ориентированной на тотальный контроль, подсчет и методологическое подчинение всего и вся. Но то, что происходит торжество и воцарение «Паноптикума» во всех сферах нашей реальности и, прежде всего, на уровне индивида, не может вызывать энтузиазм, особенно в свете «утяжеления» и «удорожания» любого процесса в социальной сфере.

Что возникает в результате подобной тотальной бюрократизации в сфере образования? Да печальная ситуация: нарастание вала «бумажного» творчества, которое происходит в ущерб и качеству, и – даже, как ни странно – количеству. И научный работник, и работник в сфере образования от начальной школы до ВУзовского образования «строчит» отчеты, утрясает с бюрократическими инстанциями любые инициативы, предоставляет огромное количество «статистических данных», «с рвением» откликается на любые «чихи» и «инициативы» чиновничьей вселенной, озадаченной лишь одним: чтобы на «бумаге» все было прекрасно. Никого уже, по сути, не интересует сам «образовательный» процесс, – так, ради «риторики», которой уже никто не верит и воспринимает как «необходимое» зло. Самое «пренеприятное» состоит в том, что бюрократический аппарат не просто существует только сам для себя, но и «взращивает» в любом из нас бюро-

крата, «поставляющего» «мясо»-информацию для «пропитания» во вселенной бюрократической вакханалии.

И если прибавить к этому крайне неудачную – не только по моему разумению, но по мнению почти всех специалистов в сфере образования, исключая, увы, толпы чиновников-от-образования – ориентацию на систему оценки в виде тестирования, когда последние годы учащиеся школ «на-таскиваются» и зубрят тесты, то положение представляется крайне удручающим.

Если вернуться к примеру к землекопом, то ситуация примерно такова: землекоп не только должен вырыть яму, но и сам запланировать, соблюдая все бюрократические регламенты, этот процесс, сам согласовать с инстанциями копание ямы, ее необходимость, вписанность в общий план градостроительства, выяснить, не вырывается ли яма на особо охраняемой территории, написать отчет о его выполнении, предложить смету и т.п. и т.д. Ученый и преподаватель не просто должны – и это вменяется им различного рода должностными инструкциями и регламентами – отчитать лекцию или провести семинар, осуществить научный проект, но и заранее написать в соответствии с постоянно меняющимися правилами и регламентами (отслеживание которых также занимает огромное количество времени) планы, программы, отчеты и т.п. Понятно, что в той простой ситуации, когда реальные сутки ограничены 24 часами, на все это времени и сил может не хватать, а потому выстраиваются приоритеты, в конечном счете, жертвующие делом во имя бюрократического сопровождения. И как следствие – тотальная симуляция: либо в отношении «бюрократического контента», либо в отношении самого реального процесса преподавания или научной деятельности. Все это никак не может не сказаться на результативности и образования, и научной деятельности, склоняющейся под игом бюрократических инстанций: какое там до новейших и прорывных технологий, успеть бы оформить все бумаги и отчеты!

Итак, со стороны органов, призванных «руководить и направлять», а на деле «контролировать и считать», инициируются процессы «затухания» любой нормальной и прогрессивной научной и образовательной деятельности. Хотя, кажется, на уровне риторики и даже некоторых ориентиров, определенные усилия, которые предпринимаются «власть имущими», как раз должны способствовать тому, чтобы отечественная наука и образование стали передовой частью мировой системы (и, соответственно, мировой системы координат и регламентов), используя тот потенциал, который не только остался от советских времен, но и свойственен талантливому и предприимчивому населению многонациональной России. Ан нет! И здесь, опять же, не на уровне конкретных «исполнителей», задаются в корне неверные ориентиры и правила игры.

Возьмем для примера попытку улучшить знание английского языка, что должно, по идее, облегчить процесс «научения» отечественных работников науки и образования «передовому» зарубежному опыту. Языки в России знали в социалистические времена плохо, и это факт. Не нужны были языки в государстве, изолированном от всего мира. Так же как является фактом великолепное знание европейских языков элитой царской России. И вот, днесь, происходит «насильственная» «англоизация»: в образовательных программах и без того усеченного бакалаврского образования львиную долю времени отводят изучению языков. Простой вопрос: зачем? На уровне риторики ответы мы все прекрасно знаем и я не стану их воспроизводить. И все же зачем? Работаем на экспорт? Или на свою страну, где английский язык, конечно, не помешает, но все же его статус еще далек от того, чтобы использовать в повседневных рабочих процессах? Те, кто по «долгу службы» должен находиться в коммуникации с зарубежными партнерами, конечно, и без «обязаловки» знают языки, так же как прекрасно, на уровне команд, все осведомлены в англоязычной лексике современных гаджетов и интернета. Однако, поскольку больше 24 часов в сутки студента не заставишь «предаваться» изучению «доброе, светлого и вечное», то если он огромный пласт своего времени тратит на изучение не профессиональных, как сейчас говорят, компетенций, а на «зубрежку» «басурманских» слов, то наивно предполагать, что на «выхлопе» образовательного процесса мы в лучшем случае не получим недоучку, который, конечно, владеет английским языком, но от этого недоучкой быть не перестанет.

Особенно «прискорбна» ориентация на английский язык в сфере гуманитарного знания. Нет слов, знания иностранных языков – вещь полезная для научного работника, а в некоторых ситуациях даже необходимая: трудно себе представить специалиста по античной культуре, не знающего греческий или латынь. Речь идет сейчас о другом. Знание английского языка в основном требуется не для того, чтобы ориентироваться в соответствующей англоязычной литературе и исследований или быть в контакте с зарубежными партнерами, использующими днесь английский, как в Средние века использовали латынь. С точки зрения риторики бюрократической «машины» знание английского языка должно повысить рейтинги, индексы цитирования, публикации и пр. в англоязычных базах данных и рейтинговых агентствах и тем самым оправдать само существование отдельного сектора «всеобщей бюрократии». Понятно, что в современной диспозиции подобный императив крайне наивен: национальные научные сообщества имеют лишь несколько возможных вариантов своего существования, а именно – либо быть вечной маргинальной зоной, либо исчезнуть вовсе, например, через опробованный уже в двадцатом веке процесс «утечки мозгов». А именно внедрение английского как языка современной гуманитар-

ной и естественной науки позволит без видимых издержек осуществить последний вариант.

Именно поэтому те аргументы, которые можно противопоставить тотальной «англоизации» гуманитарного знания, например, что задача его прояснять, прежде всего, отечественный культурный и социальный контекст, что гуманитарий должен быть ориентирован на отечественную проблематику и т.п., не имеют силы и не способны изменить status quo.

Каковы выводы? Я не думаю, что они претендуют на исключительную новизну и оригинальность. Ситуация, в целом, довольно банальная и прозрачная. Современная отечественная наука и образование являются «ярчайшим» аргументом, который может доказать существование потустороннего мира: отечественная наука и образование демонстрируют существование после своей «физической» смерти. И ситуация вряд ли улучшится в ближайшее, а, может быть, и отдаленное будущее. Наша местечковость, «мелкотравчатость» «гарантируется» и «спонсируется» всей системой не только образования и науки в России, но и, поскольку образование и наука – это плоть от плоти соответствующего социума – всей системой и конфигурацией отечественного общества. И здесь не по силам ни отдельным выдающимся представителям науки и образования, ни в целом академической и образовательной среде, переломить ситуацию.

Переломить ситуацию невозможно и по той причине, что текущий момент – и, соответственно, культурная диспозиция – таковы, что мы живем в эпоху тотальной симуляции уже не второго, а третьего, а, возможно, и четвертого уровня, четвертого порядка, когда существующие нарративы обладают абсолютной непроницаемостью, а потому не могут быть изменены. Например, нарратив бюрократии самодостаточен и полностью изолирован от реальности (в нашем случае реальности образовательного процесса и научной деятельности) в том отношении, что он «параллелен» этой реальности и функционирует без оглядки на процессы, которые в ней протекают. Он озабочен лишь соблюдением собственных «правил и регламентов», даже в большей степени, чтобы осуществлять императив контроля и подсчета. Также как и современный гуманитарный научный дискурс, настроенный на оптимальное функционирование лишь систем подсчета и рейтингования, никогда не изменит свои диспозитивы и не «впустит» научные сектора развивающихся стран в свою орбиту в качестве «равноправных» партнеров, разве что в качестве «местечковой», ущербной по своему статусу и судьбе маргинальной зоны.